

Луис

Уплаченный долг

В два часа ночи затрещал мой теле-

— Приезжайте, пожалуйста, немедленно,— сказала мне дежурная сестра,—ваша пациентка, госпожа Милликен в родильном зале.

Я удивился.

— У меня нет пациентки с такой фамилией.— ответил я,—это, наверное, пациентка другого врача.

Однако, через 2 минуты сестра звонила вторично:

— Ее только что привезли по рекомендации одного доктора из Лос-Анжелоса к вам, и мы ее, конечно, приняли. Приезжайте пожалуйста!

Я сразу же вышел. На родильном столе лежала одна из прекраснейших женщин; у нее были темно-каштановые волосы и румяные щеки. Роды уже начинались. Менее чем через час появился ребенок. Девочка была прелестна, и ее волосы были как две капли воды похожи на волосы матери. На следующий день госпожа Милликен сказала: „Мне очень жаль, что пришлось вас побеспокоить среди ночи. Доктор Винстон из Лос-Анжелоса направил меня к вам. Спешная поездка, может быть, отразилась на ребенке? Здоров ли он? Какого цвета его волосы?“ Я ее успокоил, и написал через два дня доклад о родах доктору Винстону, а также, сообщая ему имя молодой матери и ее адрес, поблагодарил за то, что он мне послал такую интересную пациентку. Она была всегда радостна и глаза ее светились гордостью, когда я любовался ее ребенком.

Через два дня после ее отъезда я получил письмо от д-ра Винстона. „Я не заслуживаю Вашей благодарности“,— писал он,—„так как у меня нет ни одной пациентки с такой фамилией, да кроме того, улица, которую Вы назвали, не существует в Лос-Анжелосе. В телефонной книге также нет такой фамилии“.

Тут я начал ломать себе голову. В чем же дело?

Приблизительно через три недели, как раз когда меня не было дома, пришла сестра, уполномоченная забрать ребенка.

Шесть месяцев спустя я был на западе, в маленьком горном городке. Я сидел в гостинице и ждал поезда, а хозяин мне рассказывал о различных мелочах жизни. Вдруг к отелю подъехала роскошная автомашина, и я увидел в ней мою таинственную пациентку.

— Интересная?—спросил хозяин отеля.—это одна из сестер-близнецов Бридж, которые здесь проживают. Другая сестра также прелестна, но у нее на щеке родинка и по этому только их отличают друг от друга. Эту зовут Нанси; другая, Луэлла, замужем. Нанси—еще нет.

Я с любопытством слушал и молчал.

— Да,—продолжал он,—два года тому назад у Луэллы был замечательно красивый ребенок с такими же каштановыми волосами, как у нее. Сестры жили вместе. Однажды Нанси выехала на автомобиле с ребенком, но он выпал подороге и разбился. Она приняла это очень близко к сердцу и никак не могла успокоиться, так как знала, что у Луэллы не могло быть больше детей. Через четыре месяца Нанси уехала в Нью-Йорк изучать театральное искусство,—так, по крайней мере, она говорила,—но многие считали, что она хотела просто отвлечься от происшедшего. Целый год она отсутствовала. Недавно Луэлла была с мужем на юге и привезла оттуда прелестную девочку с каштановыми волосами. Они взяли ее у чужих людей и усыновили. Какая редкая удача!—девочка—точная копия ребенка, которого сестры так трагически потеряли!

— Действительно... Как в сказке,—сказал я.—Вероятно, теперь она уже успокоилась?

— Конечно! Луэлле нельзя узнать, а Нанси не может оторваться от ребенка, как будто он ее собственный. Если желаете, я вас представлю ей когда она вернется. Она наверное будет рада новому знакомству в такой глуши...

— Ах, как жаль что у меня мало времени,—заторопился я, представив себе весь ужас разоблаченной Нанси.— благодарю вас... А пока... прибудет поезд.. я пойду немного отдохнуть в моей комнате...

Революция имеет два измерения—длину и ширину, но не имеет третьего—глубины. В революции нет радости. И не будет. Радость слишком царственное чувство, и никогда не попадет в эту яму этого лакея.

В. Розанов